

Ассоциативный потенциал лексико-грамматической системы художественного текста

Антропоцентрический подход, определяющий развитие лингвистики XXI в., изменил взгляд на природу художественного текста и значительно расширил понятие идиостиля. Коммуникативно-деятельностный подход к тексту, направленный на выявление концептуальной системы писателя как выражение его авторской картины мира и идиостиля, а также анализ текстовой деятельности читателя как результат сотворчества адресанта и адресата позволяет установить коммуникативную эффективность использованных писателем языковых средств, определяющих условия успешного общения. «Под текстовой деятельностью понимается система действий на основе знаний, навыков и умений, позволяющих создавать тексты и воспринимать, интерпретировать их» [1, с. 54].

Рассматривая взаимодействие автора и читателя, Т.М. Дридзе апеллирует к текстовой деятельности, направленной на понимание [4, с. 199], которое связано с постижением концептуального содержания текста, разворачивающего ассоциативные возможности читателя. Теория текстовых ассоциаций, связанная с особенностями смыслового развертывания текста с позиции коммуникативной стилистики тесно связана с теорией регулятивности [3], т.е. «способностью текста управлять интерпретационной деятельностью адресата в соответствии с интенцией автора», другими словами регулятивность – это «приемы организации текстовых микроструктур, стимулирующих речемыслительную деятельность адресата» [7, с. 161]. - Регулятивность текста связана с информативностью, структурностью, интегративностью и имеет прагматический характер, кроме того, соотносится с эмоциональностью, модальностью, экспрессивностью [2].

Смысловая организация текста как результат содержательно-концептуальной системы писателя – явление сложное и противоречивое. Сложное потому, что установить прагматический потенциал лексико-грамматических единиц текста в результате его ассоциативного развертывания – это значит выявить «доминантный личностный смысл» [6], составляющий основу всей творческой системы писателя. Противоречивый потому, что художественный текст характеризуется субъективной модальностью, а значит, ассоциативный потенциал художественного произведения зависит не только от индивидуально-языковых особенностей писателя, но и возможностей читателя – фоновых знаний, тезауруса, опыта и мн. др.

Ассоциативный потенциал лексического значения, синтаксической семантики грамматических форм в результате ассоциативного развертывания смысла художественного текста проследим на материале стихов Игоря Шкляревского.

«Одинокое пронизанный счастьем», – так точно определил состояние поэта В. Липневич [5, с. 219]: *Плывут, окликают, рыдая, / вечерние звуки*

вдали. // Прохлада. Дорога пустая, / И сердцу не надо любви («Стою одинокий. Счастливый...»). Босоное послевоенное детство, первые годы жизни в детском доме (род. в г. Бельнич Могилёвской обл.) привели поэта к убеждению, что счастье – это понятие географическое: *Всё лето – рыболов, всю осень я – грибник, / всю зиму долгую – читатель толстых книг, что мгновение – это единственная форма существования вечного: О вечности я ничего не знаю, / а на лугу мелькает мотылек!*

Основной прием ассоциативного развертывания смысла у Шкляревского – контрастные отношения синтаксических единиц, которые вносят значение разочарования, создавая напряжённую ситуацию: *Пришло высокое прозренье, / Прекрасным душу обожгло, / Но лишь уменье, лишь уменье / С прозреньем вместе не пришло. // И вот его желанье гложет, / А по ночам бессилье точит, / Но так, как хочет, он не может, / А так, как может, он не хочет!* («Моё ремесло»). Союз *но*, содержащий симптоматику бессилия, как бы ограничивает возможности героя: *Как золотой плавник галима, / Тонул закат во тьме крошечной, / Тонул закат, всплывал рассвет. // Но я не помню их, конечно. // Их просто не было и нет* («Как старуха солнце воровала»). С другой стороны, противопоставление, формы императива могут вносить значение уверенности: *Когда тоска за глотку схватит, /... С другим любимая уйдет, / ...Страданиями не утешься. / Не расслабляйся, не сдавайся, – / Окно морозное открой, / Чтб хлынул воздух ледяной, / Чтб в душу свежести нагнало... / Назло беде своей проснись / Весёлым и непобедимым!* («Когда тоска за глотку схватит...»).

Поэт как бы «играет» с глаголом, выстраивая разнообразные оппозиции: прошедшее результата/настоящее постоянное, будущее/императив, тем самым убеждая читателя в возможности счастья, но... не для себя, при этом основной глагольной оппозицией становится настоящее постоянное/будущее результативное с аспектуально-темпоральным значением завершенности действия: *Я грибник без лесов / и рыбак без реки. / На губах моих горечь полынной тоски / Уповаю на тайные силы природы, / на текущий песок, / на подземные воды, / может быть, захоронят зловещую пыль, / затолкают в глубокие щели и норы. / И взойдет на могиле моей чернота, / проклиная земные раздоры* («Я грибник без лесов»); *А если вдруг из глубины, / ...Слова безмолвно и лениво / Всплывут, – есть женщины, вино, / Есть скачки, спазмы, потрясения, / Субботы есть и воскресенья, / Но мне всё это не дано* («Я – юный сын лесов, морей...»). Своеобразная глагольная «игра» временных форм может ассоциироваться с желанием поэта отгородиться от мирских проблем, провозгласить свою свободу в творческом поиске: *Ты – умница, а я дурак! / Ты засмеёшься – я заплачу. // Ты сбережёшь, а я растрачу. / Ты помнишь – я уже забыл. // Ты знаешь – я уже не знаю. // ...Ты умираешь? Умирай! // Но поскорее выбирай. // Ты в рай? Тогда я в ад! Прощай!* («Весёлая баллада»). Автор постоянно проводит мысль о счастье одиночества, о несовместимости любви и творческого поиска. Семантика прошедшего времени как отражение состояния души в настоящем, настоящее с собой результата в будущем – все, что было дорого сердцу, уже позади, а

сейчас только духовное совершенство – объединяет все стихи единым ассоциативным рядом – одинокое счастье, сложное состояние души, свобода от любви (душа, как долина, безлюдна): *Бесполезно вздыхать. Мир не станет другим / только лишь оттого, что тебе захотелось / совместить и свободу и женщины верность / и остаться над светлой водой молодым!* («Пусто. Холодно»); *Донашиваю пиджаки, рубахи, / живу в каком-то полудетском страхе, / не умереть боюсь – боюсь не быть. // Донашиваю жизнь свою земную, / но мокрый клён и лужу золотую / так не умеет молодость любить* («Донашиваю пиджаки, рубахи»).

Индивидуальные особенности выразительности становятся стилеобразующими характеристиками всей художественной системы писателя. Например, метафорическое олицетворение И. Шкляревского – это большой смысловой объем, в котором прослеживаются разные образные планы, дающие возможность многомерного прочтения текста: *Скоро ивы наклонит ненастье, / Я заруюсь под стог с головой. / И разнб есть в запасе у счастья, / И во мраке летающий вой...* («Дай мне все! Я не стану богаче»). Или: *Вечерами таинственно-синими / Прилетит окно негасимое. / Вижу книги на ветхой стене, / Вижу свет и любимые тени / И знакомая ветка сирени / Расцветает в бездомном окне* («Вечерами таинственно-синими»). Косвенно обобщенная символизация, которая создается соединением сравнения и метафоры, позволяет наполнить стихотворение богатейшими ассоциациями, например: *Так близко небо грозное, / такая легкость и тоска, / что вспоминаешь сквозь века / свое присутствие живое, / безликости своей прозрачной / тысячелетнее молчанье / в застывшем отблеске слюды, / лишь запах дождевой воды / витает, как воспоминанье...* («Так близко небо грозное»). Словосочетание *небо грозное* в условиях контекста становится стилистически маркированным членом оппозиции *радость бытия / умиротворенность*, содержащим избыточную информацию. Это дает возможность широкой интерпретации стихотворения, одной из которых может быть следующая: из жизни человек не уходит бесследно.

В ином плане построено стихотворение И. Шкляревского о родном языке: *Я все еще живу, храня / Звучанье чистой русской речи. / И на прощанье у меня / Назначены с грядущим встречи. / Там баркалабовские грозы / Прошли. И мокрые стрекозы / Блестят у брата на спине. / Там детство ловит в быстрине / Форель прохладно-золотую, / И ласточкой в моем окне / Там счастье ставит запятую* («Я все ещё живу...»). Большая сила метафорического обобщения способствует созданию символического словообраза поэтической грусти по некогда чистой, богатой русской речи. Столкновение временных планов (настоящее – прошедшее – настоящее) как своеобразная семантическая перспектива рождает интраспекцию (недоговаривание) – особое художественное настоящее время как условие для возникновения разнообразных ассоциаций.

1. Болотнова, Н.С. Текстовая деятельность на уроках русской словесности: методики лингвистического анализа художественного текста: метод. пос. / Н.С. Болотнова. – Томск, 2002. – 64 с.
2. Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н.С. Болотнова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 384 с.
3. Болотнова, Н.С. Когнитивные исследования в коммуникативной стилистике текста: основные этапы и результаты / Н.С. Болотнова // Русская речевая культура и текст: материалы VIII Междунар. науч. конф. (16–18 мая 2012 г.) / под ред. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2012. – С. 181–192.
4. Дридзе, Т.М. Язык и социальная психология / Т.М. Дридзе. – М., 1980. – 244 с.
5. Липневич, В. Одинокое пронизанный счастьем / В. Липневич. – «Новый мир», 1998. – № 7. – с. 219–222.
6. Пищальникова, В.А. Проблемы идиостиля. Психолингвистический аспект / В.А. Пищальникова. – Барнаул, 1992. – 73 с.
7. Сидоров, Е.В. Системное определение текста и некоторые проблемы коммуникативной лингвистики / Е.В. Сидоров // Вопросы системной организации речи: сб. ст. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С 38–50.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ